

(VERA i ŽIŽŅ)

Духовный журналъ

Выходитъ ежемѣсячно.

Адресъ Редакціи: Rīgā, Brīvības ielā № 21, dz. 3.

XVII годъ изд.

Апрѣль 1939 года.

№ 4.

Скорбь Богоматери.

И Тебѣ Самой оружіе пройдетъ душу
(Лук. 2, 35).

Много возвышенныхъ истинъ, чрезвычайно отрадныхъ для вѣрующаго израильянина, высказалъ по вдохновенію свыше благочестивый старецъ Симеонъ, когда во исполненіе своихъ завѣтныхъ и долговременныхъ ожиданій сподобился узрѣть и дрожащими отъ слабости руками держать сорокадневнаго Младенца Іисуса, принесеннаго въ Іерусалимскій храмъ для посвященія Богу. На закатѣ дней жизни сѣдовласый праведникъ въ извѣстномъ, ежедневно св. Церковію повторяемомъ, гимнѣ „Нынѣ отпускаеши раба Твоего“ (Лук. 2, 29—33) торжественно исповѣдалъ этого Іисуса, какъ Владыку жизни и смерти, Спасителя и Просвѣтителя людей, всѣхъ народовъ. Но тогда же духовному взору Богопріимца были открыты и мрачныя, грустныя картины въ жизни не только Іисуса Христа, но и Пречистой Его Матери Маріи. Составлявшій утѣху Израилеву (25 ст.) и чаяніе язычниковъ (Быт. 49, 10) Іисусъ Мессія, по предреченію Симеона, явится для вѣрующихъ истиннымъ виновникомъ спасенія, для многихъ же въ Израилѣ, пренебрегающихъ Имъ и ожесточившихся въ своемъ невѣрїи и во злѣ, послужитъ поводомъ къ конечному паденію и духовной гибели (34 ст.). Быстро затѣмъ перенесши свой потухшій взоръ на Пречистый ликъ Богоматери, маститый

прозорливецъ въ сильномъ сокрушеніи духа произнесъ: „и Тебѣ Самой оружіе пройдетъ душу“.

Безъ сомнѣнія, прѣзрительно было для Маріи, Матери Богомладенца Иисуса, слышать эти слова праведнаго Симеона,—не могла Она не уразумѣвать, что подъ образомъ этого оружія или меча предречены Ей самой безчисленныя безградныя помышленія и скорбныя событія, какъ бы разсѣкающія и поражающія душу и сердце. И это знаменательное, печальное для Богоматери пророчество св. прозорливца нашло свое исполненіе отчасти въ періодъ общественнаго служенія божественнаго Ея Сына Иисуса, по преимуществу же во время крестныхъ страданій и смерти Его.

Вскорѣ же послѣ этого предреченія страшный ужасъ объялъ сердце Богоматери Маріи, когда по прибытіи волхвовъ для поклоненія Ея Сыну, какъ новорожденному царю іудейскому, Она, сверхъ всякаго чаянія, узнала о коварныхъ намѣреніяхъ злочестиваго Ирода противъ безоружнаго Младенца. И вотъ Святое это Семейство вынуждено было, по особенному откровенію ангела, поспѣшно и въ трепетѣ спастись свою жизнь бѣгствомъ въ Египетъ (Мѡ. гл. 2) Во время общественнаго служенія Иисуса Христа Пречистая Матерь Марія, съ благовѣйною радостью видѣвшая торжество ученія и чудесъ Его, неоднократно испытывала и скорбныя состоянія. Не могла Она невольно не возмущаться въ глубинѣ вѣрующей своей души, когда не разъ слышала различныя нареканія и клеветы на Сына Своего Иисуса, котораго современные представители іудейства всячески безславили и старались представить простому народу какъ оболстителя, совершавшаго чудеса силою князя бѣсовскаго (Мѡ. 9, 34; 12, 24; Іоан. 7, 12 и др.), или когда враги Иисуса Христа перетолковывали, намѣренно искажали божественное Его ученіе, или же слушали бесѣды съ злымъ намѣреніемъ найти предлогъ къ обвиненію Его и къ осужденію. Не разъ Богоматерь Марія видѣла возлюбленнаго Сына Своего въ изнуреніи отъ подвиговъ служенія и къ прискорбію знала великую ненависть враговъ, которая доходила до того, что іудейскіе начальники преслѣдовали Его и склонны были побить камнями (Іоан. 7, 19, 30, 44; 8, 40, 59; 10, 39; 11, 49—57 и друг.). Въмѣстѣ съ божественнымъ Сыномъ Своимъ не могла и Она не страдать внутренно при видѣ того, какъ синагога не хотѣла узнать „времени посѣщенія Его“ (Лук. 19, 44) и насколько сильно были омрачены духовныя очи всего Израиля, закоснѣвшаго въ ложномъ своемъ представленіи лица и царства Мессіи.

Съ того времени, когда враги Иисуса Христа взяли Его въ саду Геосиманскомъ и подвергли суду для осужденія на смерть, Пресвятая Богоматерь, безъ сомнѣнія, живо раздѣляла всѣ внутреннія волненія и скорбныя чувства, объявшія душу Ея Сына, то мысленно слѣдуя за Нимъ по страшному пути страданій, то являясь свидѣтельницею ихъ.

Въ молитвенномъ уединеніи глубоко Она прочувствовала ужасныя событія первой ночи по взятіи Спасителя врагами, когда Онъ привлеченъ былъ на допросы первосвященниковъ іудейскихъ Анны и Каіафы. Нѣжное сердце Богоматери Маріи сильно скорбѣло уже отъ наглыхъ лжесвидѣтельствъ объ Иисусѣ Христѣ;—что же Она должна была перечувствовать, когда увидѣла Его, представленнаго Пилатомъ народу со словами: „се Человѣкъ!“ Окровавленный, обезображенный, покрытый ранами отъ бичеваній, облеченный въ одежду поруганія, съ терновымъ вѣнцомъ на головѣ и тростию въ рукѣ,—въ такомъ видѣ неузнаваемъ былъ возлюбленный Ея Сынъ (Іоан. 19, 1—5). Какъ затѣмъ должно было болѣзненно подѣйствовать на сердце Богоматери, когда Она услышала яростныя вопли обезумѣвшей дикой толпы, которая въ слѣпой ненависти и ожесточеніи желала извѣстному разбойнику Вараввѣ даровать жизнь, а Начальника жизни распять, и настойчиво требовала позорной чрезъ распятіе казни этого невиннаго Агнца (Іоан. 18, 39—40; 19, 6, 12—15)! Вотъ до слуха Пречистой Богоматери дошелъ ужасный объявленный Пилатомъ смертный приговоръ Ея Сыну; мы не можемъ себѣ и представить, насколько теперь было тяжело для нея видѣть торжество порочныхъ и живыхъ враговъ! Недолго спустя послѣ приговора Она съ ужасомъ видѣла, какъ безвинно осужденный Сынъ съ трудомъ могъ поднять свой крестъ и на пути къ мѣсту распятія, вслѣдствіе полного истощенія силъ физическихъ, не разъ падалъ подъ тяжестію креста, пока эту ношу не возложили на Симона Киринаянина (Мѣ. 27, 32).

Хотя и въ теченіе общественнаго служенія Спасителя и во время этого нечестиваго судопроизводства Богоматерь неоднократно уязвлялась сердцемъ, но окончательно загадку пророчества Богопримца разрѣшилъ для Нея тотъ день плачевный и ужасный (но вмѣстѣ и спасительный для людей), когда Она находилась на Голгоетѣ и стояла вблизи креста распятаго Сына. Удрученная страшнымъ горемъ, Она съ замираніемъ сердца слѣдила за всѣми приготовленіями къ жесточайшей и позорной казни Его, слышала, какъ ударами молота были ко кресту пригвождены руки и ноги, и затѣмъ видѣла, какъ Сына Ея—этого святѣйшаго Агнца вознесли на крестъ. Подкрѣпляемая благодатію Божіею, Марія приблизилась къ распятому Сыну и съ неизреченною болью душевной созерцала ужасныя Его страданія, печальнаго зрѣлища которыхъ не могли хладнокровно выносить и чужіе (Лук. 23, 48), слышала болѣзненные вздохи Его, видѣла умирающій взоръ. Если мы при всей холодности сердець нашихъ трогаемся невольнo однимъ повѣствованіемъ о тѣхъ мученіяхъ, которымъ неистовые іудеи подвергли Иисуса Христа, то какова была скорбь нѣжнѣйшей Его Матери, свидѣтельницы этихъ мученій и послѣднихъ минутъ любимаго Сына! И кто можетъ изо-

бразить все величіе и измѣрить всю глубину тѣхъ скорбей, какія Пресвятая Владычица наша Богородица въ сердцѣ своемъ испытала при подножии креста! Во всей поразительной силѣ Она теперь почувствовала въ душѣ Своей то острое оружіе, которое предречено было вдохновеннымъ старцемъ Симеономъ; Она страдала такъ, какъ никто не страдалъ на землѣ, кромѣ Самого Распятаго, но не слышно было ни рыданій, ни жалобъ, ни стоновъ и терзаній Той, Которая теперь оставалась среди враговъ Его въ одиночествѣ и сиротствѣ. Такое необычайное мужество, крѣпость духа Пресвятой Богоматери, эта бездна терпѣнія могутъ быть объяснены не инымъ чѣмъ, какъ Ея вѣрою въ божественную силу Своего Сына, извѣстную Ей болѣе всѣхъ изъ явныхъ и тайныхъ чудесъ всей земной жизни Его, Ея познаніемъ Христовыхъ таинъ, которыя ранѣе всѣхъ Она постигла и совершеннѣе всѣхъ соблюдала въ сердцѣ Своемъ.

Погружаясь въ эту неизмѣримую глубину скорбныхъ чувствованій, объявившихъ душу Богоматери на Голгоѣѣ, св. Православная Церковь изображаетъ ихъ отъ Ея лица во многихъ трогательныхъ пѣснопѣніяхъ, изъ которыхъ приведемъ здѣсь наиболѣе указывающія на оправданіе пророчества Симеона Богопріимца. „Вижу Тя нынѣ, возлюбленное Мое Чадо, на крестѣ висяща: и уязвляюся горцѣмъ сердцемъ“. „О страшномъ Твоемъ рождествѣ и странномъ, Сыне Мой, паче матерей возвеличена быхъ Азь; но увы Мнѣ! Нынѣ Тя видящи на дрѣвѣ, распалюся утробою“. „Оружіе сердце Мое пройде, о Сыне, не терпящи висима на дрѣвѣ Тя зрѣти“. „Увы Мнѣ, сладчайшій Сыне, уязвляюся душею, на крестѣ зрящи Тя пригвождена посреде двою злодѣю судомъ злодѣйственнымъ“.

Когда же потаенные ученики Иисуса Христа Іосифъ Аримаѣйскій и Никодимъ, испросивши, у Пилата позволеніе взять дорогое для нихъ пречистое Тѣло своего Учителя, сняли Его съ креста и по намащеніи благовоніями совершили спѣшно обрядъ погребенія Его въ новомъ гробѣ, тогда еще разъ душу Божіей Матери, свидѣтельницы погребенія Сына, глубоко пронзило самое острое оружіе. Въ лицѣ возлюбленнаго Сына лишилась Она всего, что только было для Нея самага дорогаго въ мірѣ; всѣ мысли Ея, всѣ чувства чистѣйшаго сердца вращались около этой ужасной потери, и горькія слезы потокомъ лились изъ Ея очей. По словамъ церковныхъ пѣснопѣній, „пріимши Его съ плачемъ Мати неискусомужная положи на колѣну, молящи Его со слезами и облобызаючи, горцѣ же рыдаючи и восклицаючи“. „Болѣзни и скорби и въздыханія обрѣтоша Мя, увы Мнѣ, видящи Тя, Чадо Мое возлюбленное, нага и уединена и благоуханіями помазана мертвеца“. „Мертва Тя зрю, Человѣколюбче, оживившаго мертвыя и содержаща вся, уязвляюся люте утробою; хотѣла быхъ съ Тобой умрети: не терплю бо безъ дыханія мертва Тя видѣти“.

Подвигъ разбойника.

Когда обыденная жизнь не даетъ ничего особенно выдающагося, ничего истинно-геройскаго въ настоящемъ, полезно обратиться къ прошлому.

Когда не воодушевляють и не назидаютъ примѣры идеальнѣйшаго и совершеннѣйшаго міра, слѣдуетъ обращать взоры къ немногимъ, но поразительнымъ героямъ житейскаго „дна“, изъ крайняго паденія достигшимъ высшей идеальности. Къ числу такихъ принадлежитъ прежде и болѣе всѣхъ евангельскій благородный разбойникъ.

Прямо-таки необъяснимо, какъ это злодѣй, загубившій множество человѣческихъ жизней, множество неповинныхъ душъ, сохранилъ искру благодатной жизни въ своей собственной душѣ!

Кто и когда внушилъ ему эту *живую вѣру* въ распятаго и поруганнаго Іисуса, какъ въ *Господа*? Гдѣ это профессиональный разбойникъ, все время проводившій въ тайныхъ трущобахъ и вертепахъ, услышалъ и воспринялъ *спасительное ученіе о благодатномъ Царствѣ Христовомъ!* Что за необыкновенная сила сдѣлала его такимъ *безпримѣрнымъ послѣдователемъ Іисуса Христа?*

Когда рѣшительно всѣ *отреклись* отъ заплечаннаго и повѣшеннаго на древѣ Іисуса Христа изъ Назарета,—тогда-то разбойникъ и *обратился* къ Нему! Когда злостраданія и смертный приговоръ даже у ближайшихъ Христовыхъ учениковъ положили конецъ послѣдней ихъ надеждѣ на Него, какъ на *Мессію*,—тогда-то разбойникъ и исповѣдуетъ Его Мессіей! Когда уже самая послѣдняя мечта о *мессіанскомъ Царствѣ* исчезла у разочарованныхъ распятіемъ послѣдователей Іисусовыхъ,—тогда-то разбойникъ и *взмолился* помянуть его въ этомъ царствѣ!.. Что-же это за дивный разбойникъ, опередившій и превзошедшій въ своей необъяснимой вѣрѣ и дивномъ исповѣданіи все современное ему человечество! Развѣ не затмилъ и не замѣнилъ онъ собою учениковъ Христовыхъ, ночью въ страхѣ разбѣжавшихся? Развѣ не устыдилъ онъ самого ап. Петра, трижды съ клятвою отрекшагося отъ Божественнаго Учителя? Развѣ не явился онъ соперникомъ даже возлюбленнѣйшему ученику Іоанну, хотя дошедшему до самаго Креста Христова, но не всходившему на крестъ и не исповѣдывавшему Господа съ креста? Развѣ не превзошелъ этотъ удивительный разбойникъ, скрасившій послѣднія минуты Христовой жизни,—Іосифа и Никодима, почтившихъ лишь *Христову смерть*. И, наконецъ, развѣ не предупредилъ онъ всѣхъ живыхъ и умершихъ *первыми*, обѣтованнымъ ему съ Креста Христова, *вступленіемъ въ Христово Царство?*

Да, поистинѣ поразителенъ и безмѣрно великъ подвигъ благороднаго разбойника. Но нечто великое и порази-

тельное не достигается ничтожными и малоцѣнными средствами. И подвигъ и райская награда за него куплены благороднымъ разбойникомъ, конечно, необычайно великою цѣною. Какою-же! Обратите, прежде всего, вниманіе на то, при какомъ личномъ состояніи благородный разбойникъ обратился къ Господу Иисусу Христу.

Какъ и самъ Христосъ Спаситель, разбойникъ этотъ висѣлъ на крестѣ и изнывалъ въ смертельныхъ страданіяхъ.

Какое великое, почти Христово терпѣніе нужно было имѣть этому несчастному, чтобы при своемъ ужасномъ состояніи совершенно забыть самого себя и выразить величайшее благоговѣніе предъ Господомъ, раздѣлившимъ съ нимъ его разбойничью участь! Вотъ первый, величайшій подвигъ благороднаго разбойника — это его дивное, необъяснимое *терпѣніе въ страданіи*, доходящее до полного забвенія себя и своихъ мукъ ради воздаянія должнаго Божественному мученику. Необыкновенно высокая, благородная и достойная душа была у этого благороднаго разбойника. Ея благородство, ея богоподобная природа сказались во всей силѣ въ этотъ послѣдній ужасный для нея моментъ — и зато сразу искупили все: всѣ грѣхи, всѣ преступленія, весь позоръ разбойничьей жизни. Другой сораспятый разбойникъ не имѣлъ такой возвышенной и непобѣдимой земнымъ зломъ души. Поэтому то въ мукахъ своихъ онъ помнилъ только о самомъ себѣ; безсильный побороть личныя страданія, онъ только проклиналъ, поносилъ и хулилъ окружающихъ, не исключая сострадавшаго ему Христа—Спасителя. Терпѣнія въ мукахъ и забвенія собственныхъ страданій ради другого достойнѣйшаго Страдальца не доставало этому второму разбойнику!

Укажемъ и еще на одну драгоценнѣйшую добродѣтель, обнаруженную на крестѣ благороднымъ разбойникомъ — на его смиренную покорность предъ Божественною правдою. *„Мы осуждены справедливо (говорить онъ хулившему Христа разбойнику), потому что достойное по дѣламъ нашимъ приняли, а Онъ ничего худого не сдѣлалъ! И сказалъ Иисусу: помяни меня, Господи, когда приидешь въ царствіе Твое.*

Съ чѣмъ, скажите, можно сравнить это чудное, это опять-таки почти Христово смиреніе дѣйствительнаго злодѣя предъ Праведникомъ, незаслуженно причисленнымъ къ злодѣямъ? Ни тѣни дерзости, ни слѣда грубой притязательности, нѣтъ ни въ настроеніи, ни въ словахъ того, кто всю жизнь провелъ въ грубыхъ злодѣянιάхъ. Этотъ распятый съ Христомъ злодѣй ни на минуту не позволилъ себѣ нравственно приравняться къ тому Идеалу чистоты и святости, съ Которымъ наружно уравнила его одинаково-бѣдственная участь.

Онъ не дерзаетъ требовать или назойливо просить у Господа немедленнаго избавленія или чудесной помощи, какъ это сдѣлалъ другой неблагоразумный распятый злодѣй,

говоря: „если Ты Сынъ Божій, спаси себя и насъ! Благоразумный разбойникъ слишкомъ скромнень и смиренъ! Въ глубокомъ сознаниі своей преступности и неизбѣжной гибели онъ дерзаетъ въ своей смиренно покаянной молитвѣ на одну лишь маленькую милость, на одну лишь скромную крупицу снисхожденія!

„Помяни...!“ Только „помяни меня, о Господи, въ своемъ вѣчномъ царствѣ! Только вспомни, что я на этой страшной Голгоѣ висѣлъ вмѣстѣ съ Тобою и мучился однѣми и тѣми же муками! Для меня, обреченнаго на гибель вѣчную, и это уже будетъ милостью и утѣшеніемъ...!“ Какое дивное, какое трогательное смиреніе у этой совсѣмъ уже было погибшей души! Откуда взялъ разбойникъ эту святую тонкость чувства, эту умиленность покаяннаго слова? Какая благодатная, безсмертная молитва вылилась изъ его страждущей души! Какъ она коротка и проста: „Помяни меня, Господи, когда придеши въ свое Царство!“ Подумайте, сколько миллионѣвъ людей на протяженіи почти двадцати христіанскихъ вѣковъ умилялись этой дивною разбойниковою молитвою! Едва ли это не единственная молитва, которая никогда не утрачивала и не утратитъ живости и теплоты воздѣйствія на человѣческія души. Она вылилась изъ такой коренной глубины истинно человѣческаго смиренія и страданія, что ни одна человѣческая душа не можетъ не отозваться на нее! Ни одинъ религіозный христіанинъ не можетъ удержаться, отъ крестнаго знаменія, или тихаго вздоха, или сокровеннаго покаяннаго чувства, когда слышитъ безсмертное разбойниково — „помяни, мя Господи!...“ Видите, какой духовный перлъ даетъ кроткое человѣческое смиреніе въ сочетаніи съ его безотвѣтной покорностью Добру и Истинѣ!

Благоразумный разбойникъ далъ всему міру поразительное доказательство, что человѣкъ можетъ пасть и погрузиться до самаго послѣдняго дна грѣховъ и злодѣяній и все-таки остаться человѣкомъ, все-таки сохранить святую искру богоподобнаго благородства. Тамъ, на Голгоѣ, гдѣ страдалъ и умиралъ за грѣшный человѣческій родъ этотъ Божественный Спаситель міра, разбойникъ наглядно показалъ, что стоило умирать за это человѣчество; что оно и въ паденіи и въ обезображенномъ состояніи сохранило драгоценный перлъ своего природнаго Богоподобія!.. Какъ это отрадно и утѣшительно для насъ! Кромѣ того благоразумный разбойникъ подвигомъ своего личнаго спасенія раскрылъ намъ и вотъ еще какую особенно дивную и радостную сторону нашего спасенія всеобщаго: *между бездной человѣческаго паденія и вершиной Божественной благодати нѣтъ непроходимаго и долгаго пути.*

Одинъ рѣшительный моментъ, одно благодатное движеніе души, одно покаянное слово—и спасеніе совершилось: и разбойникъ сталъ первымъ наслѣдникомъ Царства Божія.

и мучительно позорный крестъ непосредственно смѣнился для него раемъ.

Воспряньте-же всѣ грѣшныя души! Ободритесь и смѣло послѣдуйте по стопамъ благоразумнаго разбойника! Сдѣлайте тѣ три рѣшительныхъ шага ко спасенію, которые сдѣлалъ онъ: первый—шагъ безропотнаго терпѣнія въ тяжелыхъ обстоятельствахъ; второй — покорнаго сознанія своей виновности предъ правосуднымъ Богомъ и третій—шагъ смиренной мольбы о помилованіи и спасеніи.

Дивно обращеніе благоразумнаго разбойника, но еще болѣе дивно и несказанно Божественное прощеніе и милосердіе къ нему распятаго съ нимъ Господа. Съ сердечнымъ благоговѣніемъ и трепетною радостью вслушайтесь въ это милостивое Христово благовѣстіе разбойнику: *„нынѣ же будешь со Мною въ раю!“* Тутъ уже должны умолкнуть уста человѣческія. Тутъ такая бездна Богочеловѣческаго милосердія къ преступному злодѣю, какой уже не изобразить нашъ скудный человѣческій языкъ! Вотъ милость, вотъ даръ, вотъ благодать—поистинѣ Божественныя!

Только что отверзается новое, священнѣйшее Царство Божіе для всего искупленнаго человѣчества, и въ него безмѣрнымъ милосердіемъ Христовымъ первымъ вводится кто же?—заслуженно казненный злодѣй! Какой вразумительный урокъ нашей брезгливости, нашему безпощадному осужденію падшихъ братій! На кого мы и не взглянули бы, до кого безъ содроганія не дотронулись бы, о дѣяніяхъ котораго безъ ужаса и отвращенія не могли бы и подумать, —тому Самъ Господь и Спаситель нашъ отдаетъ свою послѣднюю земную милость и даруетъ первую Свою небесную награду; возрадуйтесь-же, всѣ земные грѣшники! всѣ противнебесные преступники! всѣ большіе или меньшіе злодѣи собственной и чужой жизни! Смотрите съ благоговѣніемъ и радостію на эти два рядомъ стоящіе креста, на одномъ изъ которыхъ распято преступное человѣчество, на другомъ невинное, вочеловѣчившееся Божество! Радуйтесь, видя, какъ первое чудно спасается, какъ второе дивно спасаетъ! Убѣдитесь всѣ земные грѣшники, что нѣтъ бездны, изъ которой не было бы возврата къ Богодарованному спасенію! Убѣдитесь всѣ дѣти Божіи, что нѣтъ предѣла милости и благодати Отца Небеснаго и Его возлюбленнаго Сына, Господа нашего Иисуса Христа, за насъ распятаго, умершаго и погребеннаго! Припадите-же всѣ къ этому драгоценному подобію умершей за грѣшный міръ неумирающей, Божественной любви! Припадите съ такою-же, какъ у благоразумнаго разбойника, воспрянувшюю къ горнему добру душою! Припадите съ его безмѣрно-терпѣливымъ и смиреннымъ настроеніемъ; съ его навѣки незабвенной, покаянною молитвою: *„помяни насъ, Господи, егда приидеши во Царствіе Твое!“*

Свящ. В. Щукинъ.

Христось Воскресь!

Если Христось не воскресь, то тщетна и вѣра наша (1 Кор. XV, 14).

„Правда ли, что Христось воскресь? Можно ли этому вѣрить? Вѣдь мертвые не воскресаютъ; а Христось былъ распятъ на крестѣ и умеръ“.

Такіе вопросы нерѣдко задаютъ и такъ разсуждаютъ многіе даже изъ христіанъ. И разсуждаютъ они такъ потому, что совсѣмъ не знаютъ Евангелія. Между тѣмъ, для христіанина отвѣтъ на эти вопросы можетъ быть только утвердительный; ибо, кто не вѣруетъ въ воскресеніе Христа, тотъ, въ сущности, не вѣруетъ и въ Самого Христа, тотъ не долженъ и называться христіаниномъ. Еще ап. Павелъ говоритъ: **Если Христось не воскресь, то тщетна и вѣра наша.** Да, вѣра наша въ Божественность Христа основана на твердомъ убѣжденіи нашемъ, что Онъ дѣйствительно умеръ и воскресь изъ мертвыхъ.

Что Онъ дѣйствительно умеръ и воскресь, объ этомъ свидѣтельствуютъ намъ апостолы, видѣвшіе Его мертвымъ и затѣмъ воскресимъ и осязавшіе Его руки, ноги и даже раны собственными руками. О томъ же, словами Евангелистовъ, свидѣтельствуютъ Марія Магдалина и другія женщины, ходившія ко гробу Господню. Но невѣрующіе въ Бога не вѣрятъ, конечно, и этимъ свидѣтельствамъ, и стараются подорвать вѣру въ воскресеніе Христа.

Противъ дѣйствительности воскресенія Исуса Христа они приводятъ обыкновенно три возраженія: 1) ученики Исуса украли Его тѣло и разгласили, что Онъ воскресь; 2) Исусъ не умеръ на крестѣ, а былъ погребенъ мнимоумершимъ, затѣмъ ожилъ и явился своимъ ученикамъ; и 3) Исусъ воскресь не въ дѣйствительности, но лишь въ воображеніи Его учениковъ.

Разсмотримъ эти возраженія по порядку и представимъ доказательства дѣйствительнаго воскресенія Исуса Христа.

Евангелистъ Матѳей свидѣтельствуетъ, что послѣ погребенія Исуса Христа, на другой день, въ субботу, пришли къ Его гробу (пещерѣ, высѣченной въ каменной скалѣ) первосвященники и фарисеи, приложили печать къ камню, которымъ заложенъ былъ входъ въ пещеру, и приставили стражу, дабы ученики Его, пришедши ночью, не украли Его и не сказали народу, что Онъ воскресь изъ мертвыхъ (Мѳ. 27, 63 - 66).

Принимая такія предосторожности, какъ прикладываніе къ камню печати синадріона и приставленіе стражи, они, конечно, предварительно удостовѣрились, во гробѣ ли тѣло Исуса, не украдено ли оно Его учениками въ предшествовавшую ночь? Если бы тѣла уже въ то время не было въ

гробу, то незачѣмъ было бы и стражу приставлять. Поэтому, слѣдуетъ признать, что первосвященники и фарисеи тогда только успокоились, когда увидѣли тѣло Иисуса Христа лежащимъ во гробу. Удостоверились они, конечно, и въ томъ, что другого выхода изъ пещеры нѣтъ. Только тогда они приложили къ камню печать, поставили стражу и удалились.

На другой день камень отъ входа въ пещеру оказался отваленнымъ, а гробъ пустымъ: тѣла Иисуса въ немъ уже не было. Гдѣ же оно?

Если бы первосвященники и фарисеи сами украли его и спрятали въ другомъ мѣстѣ, то, конечно, они предъявили бы его народу въ то время, когда разнесся слухъ о воскресеніи Христа. Этими они могли бы опровергнуть слухъ и уличить апостоловъ въ обманъ. Но они этого не дѣлаютъ потому, что сами не похищали тѣла.

Изъ дальнѣйшаго повѣствованія Ев. Матѳея мы знаемъ, что когда Иисусъ Христосъ воскресъ и воины объявили о томъ первосвященникамъ, то сіи, собравшись со старѣйшинами и сдѣлавъ совѣщаніе, довольно денегъ дали воинамъ и сказали: „Скажите, что ученики Его, пришедши ночью, украли Его, когда мы спали; и, если слухъ объ этомъ дойдетъ до правителя, мы убѣдимъ его и васъ отъ неприяности избавимъ“. Они, взявъ деньги, поступили, какъ научены были (Мѳ. 27, 11—15).

Итакъ, первосвященники и старѣйшины, подкупая воиновъ, обѣщали имъ освободить ихъ отъ отвѣтственности передъ римскимъ правителемъ Пилатомъ. Если бы стражниками были служители синадріона или храма, неподчиненные въ служебномъ порядкѣ Пилату, то они не могли бы быть привлечены Пилатомъ къ отвѣтственности за неисполненіе служебнаго долга; и потому незачѣмъ было бы обѣщать имъ освобожденіе отъ той отвѣтственности, отъ какой синадріонъ могъ освободить ихъ собственною властью. А если такое освобожденіе было обѣщано, то это означаетъ, что стражниками были римскіе воины, предоставленные въ распоряженіе синадріона на праздники Пасхи для охраненія порядка. Имъ дѣйствительно угрожала бы большая отвѣтственность, если бы Пилать узналъ, что они въ караулѣ спали всѣ до одинаго. Въ римскихъ войскахъ была строгая дисциплина, нарушеніе которой безпощадно наказывалось: Иродъ казнилъ воиновъ, караулившихъ ап. Петра въ темницѣ, за то, что они не устергли его, освобожденнаго чудеснымъ образомъ (Дѣян. 12, 19). Такой же казни подлежали и воины, на дежурствѣ которыхъ произошло бы похищеніе охраняемаго ими тѣла Иисуса. Однако, ихъ не только не казнятъ, но даже не судятъ. Несомнѣнно также, что предстательство ненавистнаго Пилату синадріона не могло бы освободить воиновъ отъ отвѣтственности. Съ другой стороны, если бы дѣйстви-

тельно апостолы украли тѣло Іисуса, то неужели озлобленные враги Христа не пожелали бы воспользоваться удобнымъ случаемъ, чтобы сразу избавиться и отъ всѣхъ ближайшихъ учениковъ Его? Неужели они не потребовали бы отъ Пилата ихъ крови? Вѣдь разслѣдованіемъ этого дѣла и казнью апостоловъ они не только оправдались бы передъ народомъ за отверженіе Іисуса, но еще и значительно окрѣпли бы въ своемъ вліяніи на него. Однако, ничего подобнаго синадріонъ не предпринимаетъ. Мало того, когда апостолы своею проповѣдью о воскресеніи Іисуса стали обращать къ Нему тысячи евреевъ, синадріонъ хотя и потребовалъ ихъ къ себѣ, но не рѣшился обвинять ихъ въ похищеніи тѣла Іисуса, а ограничился лишь запрещеніемъ проповѣдывать (Дѣян. 4, 18). Что же за причина такого поведенія первосвященниковъ, фарисеевъ и старѣйшинъ народныхъ? Причина понятна: сами они выдумали сказку о похищеніи тѣла Іисуса и потому прекрасно понимали, что возбужденіе преслѣдованія противъ воиновъ и апостоловъ обличитъ ихъ самихъ въ обманѣ, навлечетъ на нихъ страшную отвѣтственность и усилитъ въ народѣ вѣру въ дѣйствительное воскресеніе Іисуса. И рѣшили они: молчать, и затѣмъ, по прошествіи нѣкотораго времени, обратиться въ свою пользу невыясненность дѣла; тогда еще кто-нибудь повѣритъ клеветѣ, а при возбужденіи преслѣдованія противъ мнимо виновныхъ никто не повѣритъ. Да, они долго молчали; когда же проповѣдь о воскресшемъ Христѣ стала распространяться по всей римской имперіи, тогда они (какъ о томъ свидѣтельствуеъ Іустинъ философъ въ своемъ „Разговорѣ съ Трифономъ—іудеемъ“, въ гл. 108) разослали всюду избранныхъ сторонниковъ своихъ разглашать, что „появилась безбожная и беззаконная ересь чрезъ какого то Галилеянина Іисуса, Котораго мы распяли, но ученики Его ночью похитили Его изъ гроба, гдѣ Онъ былъ положенъ по снятіи съ креста, и обманываютъ людей, говоря, что Онъ воскресъ изъ мертвыхъ и вознесся на небо“. Да, клевету о похищеніи тѣла первосвященники и старѣйшины пустили въ ходъ тотчасъ же по воскресеніи Христовомъ, но поддерживать ее тогда не рѣшились; а когда прошло послѣ того уже много времени, когда Пилатъ былъ смѣненъ, когда можно было опираться на невыясненность дѣла, тогда только они стали распространять эту клевету; а до того времени упорно молчали.

Обратимся теперь къ апостоламъ и постараемся дознать, могли ли они похитить тѣло Іисуса?

Апостолы, несомнѣнно, любили Іисуса; они вѣрили въ Него, какъ въ Мессію, и съ нетерпѣніемъ ожидали наступленія того счастливаго времени, когда Онъ откроетъ Свое Царство, а они займутъ въ немъ почетнѣйшія мѣста. Но они, какъ и всѣ евреи того времени, думали, что Мессія будетъ величественнымъ земнымъ царемъ, покорить евре-

ямъ всѣ народы и будетъ царствовать вѣчно, слѣдовательно умереть не можетъ. И вдругъ, Иисуса распинаютъ! Онъ не Мессія; а если Онъ не Мессія, зачѣмъ же Онъ обманывалъ насъ?—Мысли эти несомнѣнно должны были волновать апостоловъ. А если въ души ихъ закралось сомнѣніе, если они считали себя обманутыми, то спрашивается: какое имъ было дѣло до тѣла Того, Кто ввелъ ихъ въ такое ужасное заблужденіе? Вѣдь, они даже не нашли нужнымъ пойти, подобно женамъ-мироносицамъ, ко гробу Иисуса, чтобы воздать тѣлу Его обычный долгъ уваженія и почета! А при такомъ душевномъ состояніи апостоловъ похищеніе ими тѣла Иисуса было бы безсмысленнымъ и безцѣльнымъ.

Но если даже допустить предположеніе (вполнѣ, впрочемъ, неосновательное), что апостолы вѣрили въ возможность воскресенія Иисуса, то и въ такомъ случаѣ похищеніе ими тѣла Его было бы безцѣльнымъ, даже безразсуднымъ: къ чему похищать тѣло, если оно будетъ воскрешено въ третій день?

Мысль о перенесеніи тѣла Христова въ другое мѣсто, скрытое отъ враговъ и потому болѣе безопасное, могла возникнуть въ томъ лишь случаѣ, если бы первосвященники и фарисеи намѣревались издѣваться надъ нимъ. Но такого намѣренія враги Христовы ничѣмъ не обнаружили. Напротивъ, они не препятствовали погребенію Его съ соблюденіемъ всѣхъ еврейскихъ обрядовъ, а ко входу въ пещеру, гдѣ было положено тѣло Его, приставили стражу. Къ тому же, издѣвательство надъ тѣломъ умершаго не могло бы обойтись безъ прикосновенія къ нему; всякое же прикосновеніе къ покойнику считалось оскверненіемъ. Да если бы у апостоловъ и было желаніе перенести тѣло Иисуса въ другое мѣсто, все таки исполненіе его было бы невозможнымъ. Входъ въ пещеру, гдѣ лежало тѣло, былъ заваленъ громаднымъ камнемъ и охранялся вооруженной стражей. Придти, отвалить камень, войти въ пещеру, взять тѣло и унести его, и сдѣлавъ все это такъ, чтобы стоявшіе на стражѣ воины ничего не замѣтили,—да это болѣе чѣмъ невозможно!

Помимо всего этого, слѣдуетъ признать что апостолы, по своимъ нравственнымъ качествамъ, и не способны были похитить тѣло Иисуса, а затѣмъ ложно увѣрять всѣхъ, что Онъ воскресъ. Вѣдь они пронесли по всему міру проповѣдь о воскресшемъ Христѣ и не отреклись отъ своей вѣры въ Его воскресеніе ни при гоненіяхъ, ни даже тогда, когда ихъ вели на казнь за эту вѣру. Значитъ, они непоколебимо вѣрили въ то, что Иисусъ дѣйствительно воскресъ; а а такой вѣры они не могли бы имѣть, если бы сами похитили тѣло Иисуса и спрятали отъ Его враговъ. И что заставило бы ихъ увѣрять всѣхъ, что Иисусъ воскресъ, если бы Онъ не воскресалъ? Прежняя любовь къ Нему? Но эта любовь должна была бы не только угаснуть, но даже пре-

вратиться въ ненависть, такъ какъ они поняли бы, что были обмануты, обольщены несбыточной мечтой, а потомъ брошены на произволь судьбы.

Итакъ, слѣдуетъ признать, что апостолы не только не похищали, но и не могли похитить тѣло Иисуса.

Второе возраженіе противъ дѣйствительности воскресенія Иисуса Христа, заключающееся въ томъ, что Онъ будто бы не умиралъ, опровергаетъ Штраусъ: „Вышедшій изъ гроба полумертвымъ (говоритъ Штраусъ), ходящій въ болѣзненномъ видѣ, нуждающійся во врачевныхъ пособіяхъ, перевязкахъ, подкрѣпленіи и уходѣ за Нимъ и, наконецъ, изнемогающій отъ страданій никакъ не могъ бы произвести на учениковъ того впечатлѣнія Побѣдителя надъ смертью и гробомъ, Владыки жизни, которое служило основаніемъ дальнѣйшей ихъ дѣятельности; такое возвращеніе къ жизни только ослабило бы то впечатлѣніе, какое Иисусъ производилъ на учениковъ Своихъ при жизни, исторгло бы у нихъ въ высшей степени плачевные вопли, но никакъ не могло бы превратить ихъ скорбь въ воодушевленіе, ихъ уваженіе къ Нему возвысить до обожанія“.

Кромѣ того, если допустить предположеніе о мнимой смерти Иисуса Христа, то придется допустить также предположеніе и о томъ, что Онъ, чтобы увѣрить Своихъ учениковъ въ Своемъ воскресеніи, долженъ былъ обманывать ихъ и затѣмъ, послѣ нѣсколькихъ явленій имъ, скрыться отъ нихъ навсегда и провести остальное время Своей жизни въ неизвѣстности, то есть, надо признать Иисуса обманщикомъ. Однако, на это не рѣшается никто, кромѣ коснѣющихъ въ своемъ заблужденіи іудеевъ, никто не осмѣливается называть Его обманщикомъ: люди, отвергающіе Его Божество, признаютъ Его совершеннѣйшимъ въ нравственномъ отношеніи Человѣкомъ.

Къ тому же, прободеніе бока, то есть легкихъ,—рана безусловно смертельная; и если бы она была насечена еще живому Иисусу, то Онъ, несомнѣнно, долженъ былъ бы умереть отъ нея.

Итакъ, слѣдуетъ признать, что Иисусъ Христосъ дѣйствительно умеръ.

Остается разсмотрѣть послѣднее возраженіе: самообольщеніе апостоловъ.

Невѣрующіе въ воскресеніе Христа признаютъ, однако, что ученики Его могли сдѣлаться побѣждающими міръ проповѣдниками Евангелія только при помощи твердой вѣры въ Его дѣйствительное воскресеніе. Но тѣ же невѣрующіе полагаютъ, что такая вѣра апостоловъ могла возникнуть не вслѣдствіе дѣйствительнаго воскресенія Христа, а вслѣдствіе особаго душевнаго состоянія ихъ: они мечтали о воскресеніи своего Учителя, страстно желали видѣть Его воскресшимъ и потому приняли за дѣй-

ствительное явленіе имъ Христа лишь представившееся ихъ разстроенному воображенію видѣніе Его.

Итакъ, прослѣдимъ душевное состояніе апостоловъ, въ какомъ они находились послѣ распятія ихъ Учителя, чтобы рѣшить вопросъ: могли ли они дойти до мечтательнаго созерцанія Іисуса Христа, какъ бы воскресшаго изъ мертвыхъ.

Апостолы считали Іисуса Христа такимъ Мессіей, о какомъ мечтали въ то время всѣ евреи, т. е. блистательнымъ царемъ-завоевателемъ, покорителемъ евреямъ всѣхъ народовъ земли, такимъ царемъ, который будетъ царствовать вѣчно, слѣдовательно, и умереть не можетъ. Вотъ почему имъ всегда казались странными, непонятными слова Христа о предстоявшихъ Ему страданіяхъ и смерти. Слова эти они считали за иносказанія, за притчи, къ какимъ такъ часто прибѣгала ихъ Учителя въ Своихъ бесѣдахъ. Хотя Христосъ всегда пояснялъ, что Онъ не только умретъ, но и воскреснетъ, однако это поясненіе казалось имъ загадочнымъ и они не придавали ему значенія Мессія, по ихъ понятіямъ, не можетъ умереть; какъ же онъ можетъ воскреснуть?

Когда Іисусъ Христосъ, послѣ Своего Преображенія, сходилъ съ горы съ апп. Петромъ, Іоанномъ и Іаковомъ и велѣлъ имъ никому не рассказывать о томъ, что видѣли, доколѣ Сынъ Человѣческій не воскреснетъ изъ мертвыхъ, то они спрашивали другъ друга: что значитъ—воскреснуть изъ мертвыхъ? (Мрк. 9, 9 и 10). Эти три апостола знали, конечно, что значитъ вообще воскреснуть изъ мертвыхъ, такъ какъ ранѣе того, въ ихъ же присутствіи, Іисусъ Христосъ воскресилъ дочь Іаира (Мѡ. 9, 23—25; Мрк. 5, 37—42; Лук. 8, 51—55) и сына вдовы Наинской (Лук. 7, 12—16); а потому, если они недоумѣвали и спрашивали—что значитъ воскреснуть изъ мертвыхъ?—то это недоумѣніе ихъ относилось исключительно къ Самому Іисусу Христу, Который, если Онъ Мессія, не можетъ умереть; а если Онъ не можетъ умереть, то какъ же Онъ воскреснетъ изъ мертвыхъ?

Когда, при послѣднемъ путешествіи Своемъ въ Іерусалимъ, Іисусъ Христосъ, подозвавъ двѣнадцать апостоловъ, началъ говорить имъ о томъ, что будетъ съ Нимъ,— что осудятъ Его на смерть и предадутъ на распятіе, и въ третій день воскреснетъ (Мѡ. 20, 17—19; Мрк. 10, 32—34; Лук. 18, 31—33), то всѣ они ничего изъ этого не поняли: слова сіи были для нихъ сокровенны, и они не разумѣли сказаннаго (Лук. 18, 34) по той же, конечно, причинѣ.

Вообще, смерть истиннаго Мессіи казалось апостоламъ настолько невозможною, неправдоподобною, что когда Христосъ, задолго еще до Своей крестной смерти, сталъ открывать имъ эту тайну, то ап. Петръ отвелъ Его въ сторону и началъ уговаривать, чтобы Онъ даже и не упо-

миналь объ этомъ. **Будь милостивъ къ Себѣ, Господи!** (сказаль онъ) **да не будетъ этого съ Тобою!** (Мѡ. 16, 22). Смысль этихъ словъ Петра таковъ: Ты—Мессія; Ты будешь царствовать вѣчно, слѣдовательно и умереть не можешь; къ чему же разстраивать Себя такими мыслями? пожалѣй Себя Господи! этого не будетъ съ Тобою!

Когда Иуда-предатель привелъ въ Геосиманскій садъ отрядъ воиновъ и служителей іудейскихъ (Лук. 22, 52; Іоан. 18, 12), чтобы взять Іисуса; когда начиналось уже исполненіе предсказаній Спасителя о Его страданіяхъ и смерти,— апостолы и тутъ не хотѣли вѣрить въ возможность страданій Мессіи. Желая защитить Его отъ угрожавшей опасности, они сказали Ему: **Господи! не ударить ли намъ мечемъ?** (Лук. 22, 49). А пылкій Петръ, не дождавшись отвѣта Іисуса, выхватилъ мечъ и ударилъ имъ первосвященника раба (Мѡ. 26, 51; Мрк. 14, 47; Лук. 22, 50; Іоан. 18, 10).

О, какъ слаба была вѣра ихъ въ Божественность Христа! Они вообразили, что Тотъ, Кто воскрешаль мертвыхъ, нуждается въ ихъ защитѣ, — что Проповѣдывавшій непротивленіе злу зломъ же допустить исключеніе по отношенію къ Самому Себѣ!

Іисусъ запретилъ имъ защищать Его силою; и когда Его связали и повели изъ сада, то **всѣ ученики, оставивъ Его, бѣжали** (Мѡ. 26, 56; Мрк. 14, 50). Бѣжали они, по всей вѣроятности, не столько отъ страха преслѣдованія со стороны мстительныхъ фарисеевъ (такъ какъ ихъ оставили въ покоѣ), сколько отъ закравагагося въ нихъ сомнѣнія: Мессія ли Іисусъ, если Его связали и повели, какъ преступника?

Подъ вліяніемъ этихъ, волновавшихъ ихъ, чувствъ, они если и видѣли, какъ распинали ихъ Учителя, то лишь издали, прячась въ толпѣ; одинъ только Іоаннъ не побоялся стоять у креста. Когда же тѣло Іисуса сняли съ креста и погребли, то они пришли въ уныніе, переходящее въ разочарованіе.

Вотъ каково было душевное состояніе апостоловъ, когда они лишились своего Учителя и остались одни: страхъ преслѣдованія, уныніе, недоумѣніе, сомнѣніе, тоска, отчаяніе... но только не ожиданіе воскресенія Іисуса Христа, въ которое они положительно не вѣрили, о которомъ даже и думать не могли.

Недовѣріе апостоловъ въ возможность воскресенія Христа было такъ сильно, что, когда Марія Магдалина, придя ко гробу Господню и увидя камень отваленнымъ, побѣжала къ апостоламъ и сказала имъ: **Унесли Господа изъ гроба, и не знаемъ, гдѣ положили Его!**—то апп. Петръ и Іоаннъ пошли съ нею къ гробу, вошли въ него, убѣдились, что тѣла Христова въ немъ нѣтъ, и опять возвратились къ себѣ; ибо еще не знали изъ Писанія, что Ему над-

лежало воскреснуть изъ мертвыхъ (Іоан. 22, 2—10). Да, предсказаній Самого Христа о предстоявшемъ Ему воскресеніи они не понимали, а пророческихъ предсказаній еще не знали; хотя они и знали предсказанія о пришествіи Мессіи, но, зараженные обще-еврейскимъ суевѣріемъ о Мессіи Завоевателѣ, они и не вникали въ смыслъ предсказаній о страданіяхъ и смерти общаннаго Избавителя.

Когда же Христосъ явился Маріи Магдалинѣ, и она пошла и возвѣстила апостоламъ, плачущимъ и рыдающимъ, то они, услышавъ, что Онъ живъ и что она видѣла Его—не повѣрили (Мрк. 16, 10—11). Вслѣдъ за Маріей Магдалиной, пришли къ апостоламъ другія женщины, ходившія рано ко гробу, и возвѣстили имъ, что видѣли воскресшаго Христа; но показались имъ (апостоламъ) слова ихъ пустыми, и не повѣрили имъ (Лук. 24, 11). И показались апостоламъ ихъ слова пустыми, несмотря на то, что онѣ рассказали имъ, какъ онѣ встрѣтили Христа, какъ ухватились за ноги Его (Мѡ. 28, 9) и, не довѣряя еще глазамъ своимъ, осязаніемъ убѣдились въ Его дѣйствительномъ воскресеніи; но апостолы и имъ не повѣрили.

А Клеопа и другой ученикъ, шедшіе въ тотъ же день въ Эммаусъ, рассказывали встрѣтившемуся имъ Путнику о крестной смерти Іисуса и съ глубокимъ разочарованіемъ, съ грустью и отчаяніемъ, сказали: **А мы надѣялись-было, что Снъ есть тотъ, Который долженъ избавить Израиля!** (Лук. 24, 21). Этими словами Клеопа и другой ученикъ вполне опредѣлили душевное состояніе апостоловъ и другихъ учениковъ въ то время: мы надѣялись было, что Онъ Мессія, но... Онъ оказался не Мессіей! — Слова „надѣялись было“ выражаютъ прежнюю надежду, оказавшуюся несбыточною, и наступившее вслѣдъ за тѣмъ полное разочарованіе: ни вѣры, ни даже надежды, ничего не осталось! — Передавая Незнакомцу сообщеніе нѣкоторыхъ женщинъ о явленіи имъ Ангеловъ, сказавшихъ, что Іисусъ живъ, Клеопа и другой ученикъ обнаружили полнѣйшее невѣріе въ возможность воскресенія Его, такъ какъ добавили, что женщины тѣ **изумили насъ** (Лук. 24, 21 и 22).

Можно ли послѣ этого говорить, что апостолы были такъ подготовлены къ воскресенію Христа, такъ мечтали увидѣть Его воскресшимъ, съ такою увѣренностью ждали явленія Его, что вызванное ихъ мечтательностью и разстроеннымъ воображеніемъ видѣніе Христа приняли за дѣйствительное явленіе Его, за воскресеніе Его изъ мертвыхъ? Можно ли говорить такія нелѣпости?

Говорящіе такъ забываютъ, что въ состояніи полного унынія и безнадежности, въ какое повергла апостоловъ смерть ихъ Учителя, такое мечтательное настроеніе невозможно. Только чудо воскресенія, только дѣйствительное

явленіе воскресшаго Ісуса могло разсвѣять сомнѣнія Его учениковъ.

Но посмотримъ, какъ апостолы отнеслись къ явленію имъ воскресшаго Христа.

Изъ Евангелій Марка, Луки и Іоанна мы знаемъ, что когда, въ первый день воскресенія Своего, Іисусъ явился собравшимся въ домъ ученикамъ и сказалъ: „Миръ вамъ!“ они, смутившись и испугавшись, подумали, что видятъ духа; но Онъ сказалъ имъ: „Что смущаетесь и для чего такія мысли входятъ въ сердца ваши? посмотрите на руки Мои и на ноги Мои; это — Я Самъ; осяжите Меня и рассмотрите, ибо духъ плоти и костей не имѣетъ, какъ видите у Меня“. И, сказавъ имъ это, показалъ имъ руки и ноги (Лук. 24, 36—41). И несомнѣнно, что апостолы осязали Его. Отвергнувъ показанія Маріи Магдалины и другихъ женщинъ, удостоившихъ, что онѣ видѣли воскресшаго Христа, апостолы, очевидно, довѣряли только собственнымъ чувствамъ. Когда же Христосъ сталъ посреди ихъ, то они и зрѣнію своему не повѣрили, но смутились и испугались. Такъ велико было невѣріе ихъ въ возможность воскресенія ихъ Учителя! Когда же имъ предложено было довѣриться своему осязанію, ибо привидѣніе или духъ плоти и костей не имѣетъ, то они не могли отказаться отъ такого способа удостовѣренія, что предъ ними не духъ, а Самъ воскресшій Учитель ихъ. И они, несомнѣнно, осязали руки и ноги Его. Объ этомъ хотя и нѣтъ точныхъ указаній въ Евангеліяхъ, но въ первомъ соборномъ посланіи ап. Іоанна, въ словахъ „что осязали руки наши“, содержится ясное указаніе на то, что апостолы своими руками осязали руки, ноги и раны Христовы. Но... и осязанію своему они не повѣрили. Они уже начинали сознавать, что передъ ними не привидѣніе; они уже предчувствовали что то необыкновенное, и на грустныхъ до того лицахъ ихъ засіяла радость. Но они все еще не вѣрили и дивились.

Тогда Христосъ сказалъ имъ: „Есть ли у васъ здѣсь какая пища?“ Они подали Ему часть рыбы и сотоваго меда; и, взявъ, ѣлъ передъ ними (Лук. 24, 41—43).

Томъ не былъ при этомъ явленіи Господа: и, когда ему рассказали обо всемъ происшедшемъ, онъ не повѣрилъ и апостоламъ очевидцамъ, уже увѣровавшимъ въ воскресеніе Христово. На увѣренія ихъ, что они дѣйствительно видѣли Учителя, что осязали руки и ноги Его, и что Онъ ѣлъ при нихъ рыбу и медъ, Томъ отвѣтилъ: если самъ не увижу на рукахъ Его ранъ отъ гвоздей, не вложу перста моего въ раны отъ гвоздей, и не вложу руки моей въ ребра, то словамъ вашимъ не повѣрю! Вотъ какъ велико было невѣріе апостоловъ къ чужимъ показаніямъ въ такомъ дѣлѣ!

Черезъ восемь дней, Господь опять явился апостоламъ, среди которыхъ былъ и Томъ. Томъ былъ пораженъ, когда Господь прямо обратился къ нему съ требованіемъ, чтобы

онъ перстомъ осязалъ Его раны отъ гвоздей и рукою — прободенныя ребра Его. Тома подошелъ къ Господу, осязаніемъ убѣдился, что это не только не духъ, но именно Самъ Христосъ, руки и ноги Котораго были пригвождены ко кресту, и ребра Котораго были прободены копьемъ. Не имѣя уже никакого основанія сомнѣваться въ тождествѣ Явившагося ему съ Тѣмъ Учителемъ, Который былъ распятъ, умеръ и погребенъ, Тома въ умиленіи палъ передъ Нимъ и воскликнулъ: Ты — Господь мой и Богъ мой! (Іоан. 20, 24—28).

Вотъ какихъ доказательствъ потребовали апостолы, чтобы убѣдиться въ дѣйствительномъ воскресеніи Иисуса Христа!

При чтеніи этихъ повѣствованій, можетъ показаться даже обиднымъ это маловѣріе апостоловъ въ Божественность ихъ Учителя: но, при серьезномъ размышленіи объ этомъ маловѣрїи, приходишь къ заключенію, что такъ было угодно Богу. Да, Богу угодно было привести апостоловъ къ сознательной вѣрѣ въ Иисуса Христа, какъ Сына Божія, и устранить всякую возможность обвинить ихъ въ вѣрѣ слѣпой, въ легкомысліи и мечтательности: вѣдь имъ надлежало идти въ міръ и свою вѣру передать другимъ: вѣдь ихъ вѣра должна была быть крѣпка, какъ камень, и на камнѣ томъ должна была воздвигнуться Церковь Христова! — Вотъ чѣмъ объясняется все маловѣріе, всѣ сомнѣнія апостоловъ.

Когда апостолы истребованіемъ такихъ обидно осязательныхъ доказательствъ убѣдились въ томъ, что Иисусъ Христосъ дѣйствительно воскресъ не только духовно, но и тѣлесно, — тогда только открылись ихъ сердца, до тѣхъ поръ пока окамененныя, — тогда только они сознали всю нелѣпость раввинскихъ ученій о вѣчномъ земномъ царствованіи Мессіи и покореніи Имъ Израилю всѣхъ народовъ земли, — тогда только они поняли истинный смыслъ и значеніе всего слышаннаго ими ученія Иисуса Христа и увѣровали, что Онъ дѣйствительно обѣщанный Мессія, Сынъ Божій. Съ этою твердою, какъ камень, вѣрою они выступили на проповѣдь.

Въ пятьдесятъ второй день послѣ распятія и смерти Иисуса Христа, ап. Петръ открыто проповѣдывалъ въ Іерусалимѣ о Его воскресеніи и, въ подтвержденіе событія воскресенія, ссылаясь на всѣхъ апостоловъ, какъ свидѣтелей. **Сего Иисуса Богъ воскресилъ, чему мы всѣ свидѣтели** (Дѣян. 2, 32). Эта проповѣдь произвела потрясающее впечатлѣніе на слушателей, въ числѣ которыхъ, вѣроятно, были и тѣ, которые недавно кричали Пилату — **распни Его!** Тотчасъ же около трехъ тысячъ увѣровали въ воскресшаго Христа и крестились (Дѣян. 2, 41).

Такая смѣлая проповѣдь Петра, такое прямое обвине-

ніе имъ руководителей еврейскаго народа въ убійствѣ Мессіи, должны были встревожить первосвященниковъ и фарисеевъ. Если Петръ и другіе апостолы, на которыхъ онъ ссылается, какъ на свидѣтелей, обманщики, то надо было немедленно изобличить ихъ въ обманѣ. Мѣсто погребенія Іисуса было хорошо извѣстно имъ: они же приложили къ нему печать синедріона. Если Онъ не воскресъ, если тѣло Его лежитъ въ гробу, то стоило только повести ко гробу эту, обращенную Петромъ, трехтысячную толпу, показать лежащее въ немъ тѣло Іисуса и обнаружить обманъ. Но они молчатъ, потому что знаютъ уже, что гробъ пустъ, Но гдѣ же тѣло Іисуса? Если его украли ученики, то надо было тотчасъ же привлечь ихъ къ суду, уличить ихъ показаніемъ воиновъ, караулившихъ тѣло, и тѣмъ воспрепятствовать Петру ссылаться на свидѣтельство апостоловъ. Но убійцы Христа и этого не дѣлаютъ, такъ какъ не увѣрены, что стражники поддержать на судѣ ихъ клевету. Такъ, гдѣ же тѣло Іисуса Христа, если гробъ пустъ и оно не украдено учениками Его? Гдѣ?

Вопросы эти должны были волновать членовъ синедріона. Синедріонъ долженъ былъ всесторонне изслѣдовать ихъ, такъ какъ ему принадлежало руководство еврейскаго народа въ религіозно-нравственномъ отношеніи; на немъ же лежала и отвѣтственность за пролитую кровь Іисуса: и онъ, конечно, не преминулъ тщательно, хотя и негласно, убѣдиться въ справедливости словъ воиновъ, первыхъ свидѣтелей чуда воскресенія. Трудно допустить, предположеніе, что синедріонъ оставилъ эти слова безъ проверки: правдоподобнѣе считать, что члены его ходили ко гробу Іисуса и видѣли его пустымъ. Послѣ тщательнаго изслѣдованія, они не могли не признать, что Іисусъ Христосъ дѣйствительно воскресъ. Но отчего же они постыдно молчали о томъ? Отчего всенародно не исповѣдали свой тяжкій грѣхъ? Отчего своимъ публичнымъ покаяніемъ не оградили народъ свой отъ грозившихъ ему бѣдствій?

Да оттого, что этимъ развращеннымъ людямъ блага земныя были ближе, дороже благъ небесныхъ. Они не надѣялись покаяніемъ получить прощеніе своего тяжкаго грѣха: но, вмѣстѣ съ тѣмъ, они прекрасно понимали, что всенародное покаяніе ихъ въ убійствѣ Мессіи повлекло бы за собою немедленное избіеніе ихъ камнями тѣмъ же народомъ, который былъ вовлеченъ ими въ соучастіе въ этомъ преступленіи. Въ страхъ за свою жизнь, они молчатъ, боясь преслѣдованія: они безсильны возражать Петру, собирающему вокругъ себя народъ и проповѣдующему о воскресеніи распятаго Христа; но видѣнія Креста и пустого гроба не даютъ имъ покоя; они хотѣли бы забыть даже Имя Распятаго ими, но не могутъ: молва о Немъ въ народѣ растетъ; Именемъ Его Петръ исцѣлилъ уже хромого отъ рожденія: толпы идутъ къ нему креститься, исповѣдуя вос-

кресшаго Христа. . . И вотъ, убійцы Его, призвавъ Петра и Иоанна, оказываются безсильными сказать что либо противъ событія воскресенія и ограничиваются лишь приказаніемъ отнюдь не говорить и не учить объ имени Іисуса (Дѣян. 4,18).

Когда же первосвященники и фарисеи пытались преслѣдовать апостоловъ за ихъ проповѣдь о воскресшемъ Христѣ, то одинъ изъ членовъ синаedrіона, мудрый Гамаліилъ, сказалъ имъ: Отстаньте отъ людей сихъ и оставьте ихъ! ибо, если это предпріятіе и это дѣло — отъ человѣковъ, то оно разрушится; а если — отъ Бога, то вы не можете разрушить его. Берегитесь, чтобы вамъ не оказаться и богопротивниками! (Дѣян. 5, 34, 38—39). Мудрый чловѣкъ сказалъ правду: Божьяго дѣла люди разрушить не могутъ. Ничто, ни гоненія, ни даже лютая казнь не могли поколебать въ апостолахъ вѣру въ дѣйствительное воскресеніе распятаго, умершаго и погребеннаго Іисуса. А къ этой вѣрѣ они шли путемъ обидныхъ сомнѣній, путемъ невѣрія въ Божественность Его, которое они такъ часто обнаруживали при жизни Его и которое такъ рѣзко выразили послѣ Его смерти. Да, Божьяго дѣла никто не могъ разрушить въ теченіе девятнадцати столѣтій, и никогда никто не разрушить, не смотря на старанія безбожниковъ, проявляемые ими въ наше время!

Дѣйствительность воскресенія Христа удостовѣряется не только показаніями достовѣрнѣйшихъ свидѣтелей очевидцевъ, но и донесеніемъ Пилата императору Тиверію.

Историкъ Евсевій, епископъ Кесарійскій, жившій отъ 260 по 340 годъ, въ своей „Исторіи Церкви“ утверждаетъ, что „Пилать донесъ императору Тиверію о воскресеніи изъ мертвыхъ Спасителя нашего Іисуса Христа, какъ о событіи, уже извѣстномъ во всей Палестинѣ, прибавляя, что онъ слышалъ и о другихъ Его чудесахъ, и что, вставъ изъ мертвыхъ, Онъ сдѣлался предметомъ вѣры, какъ Богъ“. — О томъ же донесеніи Пилата говоритъ и Тертуліанъ въ своей *Апологии*. Обращаясь къ верховнымъ правителямъ Римской Имперіи съ указаніемъ на донесеніе Пилата, онъ говоритъ имъ: „Справьтесь съ вашими лѣтописями! Надо замѣтить, что Тертуліанъ писалъ свою Апологию въ то время, когда христіанство считалось еще зловредною сектою и было гонимо: и потому, едва ли онъ рѣшился бы такъ смѣло сослаться на документы, хранившіеся въ римскихъ архивахъ, если бы между ними не было донесенія Пилата. А что онъ дѣйствительно говорилъ правду о донесеніи Пилата, это подтверждается тѣмъ впечатлѣніемъ, какое произвело это донесеніе на императора Тиверія: признавъ Божественность Іисуса Христа, Тиверій предложилъ Сенату включить его въ число боговъ и приказалъ не преслѣдовать христіанъ.

Даже еврейскій историкъ Іосифъ Флавій (родившійся въ 37 году по Р. Хр. и участвовавшій въ іудейской войнѣ, которая окончилась разрушеніемъ Іерусалима въ 70 г.

войсками Тита), въ своемъ сочиненіи „*Иудейскія древности*“, не рѣшилъ отвергать воскресеніе Иисуса Христа. Вотъ что онъ говоритъ: „Около этого времени жилъ Иисусъ, чело вѣкъ мудрый, если Его вообще можно назвать чело вѣкомъ. Онъ совершилъ изумительныя дѣянія и сталъ на ставникомъ тѣхъ людей, которые охотно воспринимали истину. Онъ привлекъ къ себѣ многихъ иудеевъ и элли новъ. То былъ Христосъ. По настоянію нашихъ вліятель ныхъ лицъ, Пилать приговорилъ Его къ кресту. Но тѣ, кто раньше любили Его, не прекращаютъ этого и теперь. На третій день Онъ вновь явился имъ живой“ (Кн. 8, гл. 3, 3).

И не смотря на все это, невѣрующіе въ воскресеніе Христова требуютъ иныхъ доказательствъ и спрашиваютъ: почему Христосъ не явился врагамъ Своимъ, распявшимъ Его? Почему Онъ не явился къ народу, требовавшему Его казни? — На эти вопросы можно отвѣчать только пред положеніями, ибо намъ не дано знать планы и намѣренія Божіи. Думаю, что если апостолы приняли явившагося имъ Христа за привидѣніе и потребовали отъ Него обидно оязательныхъ доказательствъ Его дѣйствительнаго воскре сенія; если жены мироносицы, встрѣтивъ воскресшаго Христа, *ухватились за ноги Его* (Мѡ. 28, 9); если даже самая вѣрующая изъ всѣхъ послѣдователей Христа, Марія Магда лина, хотѣла прикоснуться къ Нему, не довѣряя своему зрѣнію (Іоан. 20, 17), — то спрашивается: возможно ли было убѣдить въ дѣйствительномъ воскресеніи Христа первосвященниковъ и фарисеевъ, распявшихъ Его, и враж дебно настроенную ими толпу народа? Самъ Христосъ предвидѣлъ это и, въ притчѣ Своей о богачѣ и нищемъ Лазарѣ, сказалъ: *Если бы кто изъ мертвыхъ воскресъ, не повѣрятъ!* (Лук. 16, 31).

Еще спрашиваютъ невѣрующіе: Почему Христосъ не сошелъ съ креста? вѣдь этимъ Онъ несомнѣнно доказалъ бы всѣмъ Свое Божество, Свое равенство Отцу? Почему Онъ, наконецъ, не облегчилъ Своихъ страданій на крестѣ, если имѣлъ власть не только исцѣлять всякія болѣзни, но даже воскрешать мертвыхъ? почему?.. Думаю, потому, что если бы Христосъ сошелъ съ креста или сдѣлалъ бы нечувствительными для Себя страданія отъ мучительной казни, то Онъ не могъ бы быть для насъ примѣромъ, образцомъ истиннаго чело вѣка, то-есть такимъ, какими и мы должны быть; и тогда цѣль Его пришествія на землю не была бы достигнута.

Такимъ образомъ, падаютъ всѣ возраженія противъ чуда воскресенія Иисуса Христа; чудо это дѣйствительно со вершилось.

Итакъ, тщательно опечатанный гробъ съ тѣломъ Иисуса, оказавшійся на третій день погребенія пустымъ, — клевета синедріона о похищеніи тѣла учениками, удосто

вѣряющая, при всей своей наглости и лживости, что гробъ дѣйствительно опустѣлъ,—невѣріе апостоловъ въ возможность воскресенія Мессіи, Который, по понятіямъ іудеевъ, не могъ умереть,—невѣріе ихъ въ воскресеніе ихъ Учителя даже и тогда, когда возвѣстили имъ о томъ жены-мироносицы, — то же невѣріе ихъ даже при явленіи имъ воскрешаго Іисуса, — требованіе отъ Него осязательныхъ доказательствъ дѣйствительности Его тѣлеснаго воскресенія, — осязаніе собственными руками ранъ Іисуса, — принятіе въ ихъ присутствіи Іисусомъ Христомъ пищи, — послѣдующія явленія Іисуса Христа апостоламъ и вознесеніе Его, — непоколебимая затѣмъ увѣренность апостоловъ въ томъ, что являющійся имъ Христосъ есть дѣйствительно Воскрешій изъ мертвыхъ, — смѣлая и не останавливавшая ни передъ чѣмъ проповѣдь ихъ объ этомъ чудѣ, — наконецъ, полное безсиліе синедріона, и даже отсутствіе какихъ-либо серьезныхъ попытокъ съ его стороны опровергнуть эту неумолкавшую проповѣдь апостоловъ, вездѣ провозглашавшихъ, что Христосъ воскресъ... — все это заставляетъ и насъ, съ твердымъ убѣжденіемъ, сказать: **Да, Христосъ дѣйствительно воскресъ!**

Б. И. Гладковъ.

Каценская (Качановская) Св. Николаевская Церковь.*)

(Къ предстоящему 150 л. юбилею).

Священниками при Каценской церкви состояли: Петръ Ивановъ (1782—1792), Іаковъ Стефановъ (1793 г.), Василій Ивановъ, (1794—1800), Димитрій Гавриловъ, (1802—1836). Въ октябрѣ мѣс. 1831 г. всѣмъ членамъ причта были присвоены фамиліи и священникъ Димитрій Гавриловъ сталъ подписываться Спекинскимъ. Далѣе: Михаилъ Моревъ (1836—1845), Павелъ Колыванцевъ (1845 г.), Матѳей Савицкій (1846—1852), Василій Меньшиковъ (1852—1854), Петръ Розановъ (1824—1856), Матѳей Жемчужинъ (1856—1869), Павелъ Дубровскій (1859—1878), Михаилъ Кляровскій 1878—1886), Николай Знаменскій (1887—1896), Протоіерей Михаилъ Никольскій (1896—1917). Съ 1917 г. настоятелемъ церкви состоитъ Протоіерей Павелъ Панфиловъ, а псаломщикомъ Павелъ Короткевичъ (съ 1934 г.). Одинъ разъ въ году въ домѣ каждого прихожанина, на скотныхъ дворахъ, на засѣянныхъ поляхъ причтомъ совершаются молебны въ разные праздничные дни: 9 мая, въ праздникъ Вознесенія Господня, въ Троицынъ день, 29 іюня, 20 іюля, въ воскресенье предъ днемъ св. Пророка Или, 1 Августа, 15 Августа, 8 Сен-

*) См. журн. „Вѣра и Жизнь“ № 2—1939 г.

тября, 24 Сентября, 26 Октября и 6 Декабря. Указываютъ разныя причины установленія этихъ молебновъ: уничтоженіе градомъ посѣвовъ, болѣзни, благодарность Богу послѣ сбора урожая, храмовой праздникъ и др. Въ эти дни собираются гости—родственники. Тѣневая сторона этихъ мѣстныхъ праздниковъ заключается въ томъ, что начатые молитвой они во многихъ мѣстахъ оканчиваются пьянствомъ со всѣми его ужасными послѣдствіями, ссорами и драками.

Съ 1888 по 1913 г. земская школа помѣщалась въ приходскомъ домѣ на разстояніи 80 метровъ отъ церкви, а въ 1913 г. была переведена въ село Покровское (нынѣ Касѣні) въ новое школьное зданіе Островскаго уѣзднаго земства. Въ 1888 г. въ школѣ обучалось 45 мальчиковъ и

Каценская Св. Николаевская церковь.

8 дѣвочекъ; въ 1910 г.—64 мальчика и 28 дѣвочекъ. Съ 1901 г. существовала Аксеново-Горская школа-церковь, съ 1906 г.—министерская школа въ Лепенцовѣ и съ 1911 г. вторая земская школа въ дер. Козлы. Въ предѣлахъ теперешняго Каценскаго прихода находятся 5 основныхъ школъ: 6 кл. латышская имени Jāņa Činīzes, въ которой, кромѣ латышей, въ 1938 г. обучалось 60 православныхъ русскихъ дѣтей; латышская имени Ausekļa, гдѣ, кромѣ латышей, въ 1938 г. обучалось 20 православныхъ русскихъ; 6 кл. русская Покровская, гдѣ въ 1939 г. обучается 114 православныхъ русскихъ, 4 кл. русская Straumeņa, гдѣ въ 1938 г. обучалось 98 православныхъ русскихъ и 4 кл. смѣшанная Akmeņs школа, гдѣ въ 1939 г. обучается 57 православныхъ русскихъ.

Всѣ прихожане занимаются земледѣліемъ и имѣютъ своей земли отъ 1—3 гект. 97 домохозяевъ; отъ 4—10

гект.—258; отъ 11—20 гект.—168; отъ 21—40 гект.—64; отъ 41—70 гект.—9; отъ 71—100 гект.—3. Имѣется и 15 безземельныхъ домохозяевъ.

Передъ началомъ міровой войны 1914 года огромное количество земли съ лѣсомъ, принадлежавшей помѣщику Неклюдову (имѣніе Родовое въ 20 км. отъ церкви), было продано помѣщикомъ Псковскому Крестьянскому Земельному Банку, который, разбивъ эту землю на участки, почти всю ее распродалъ крестьянамъ, а оставшаяся часть земли была зачислена въ Латвіи въ Государственный земельный фондъ, лѣсъ распроданъ, а земля будучи разбита на сельскохозяйственные хуторскіе участки, присуждена по жребію партизанамъ освободительной войны, учрежденіямъ и ремесленникамъ. Въ 1937 г. частично осушены болота.

Со времени основанія Латвіи въ приходѣ проведены прекрасныя дороги, устроены новые деревянные мосты, проведены по всѣмъ направленіямъ телефоны. Въ прилегающемъ къ погосту мѣстечкѣ Касѣнѣ построена каменная двухэтажная амбулаторія, которая обслуживается врачомъ, фельдшеромъ и акушеркою, созданъ полицейскій участокъ, организованъ волостной Судъ, молочная ферма, продолжаетъ существовать наилучшее и наиболѣе многочисленное и богатое въ округѣ Кредитное Товарищество, существуетъ паровая мельница, пожарная дружина, построенъ красивой архитектурой народный домъ на государственныя средства. Въ этомъ году заканчивается постройка правительственной имени Jāra Cimze 6-кл. основной школы, стоимостью Лт. 80.000 и почтовой конторы.

Подъ яснымъ и теплымъ солнцемъ свободной Латвіи Кацени процвѣтаетъ. Въ обстановкѣ этого расцвѣта Каценскій приходъ готовится отмѣтить 150-лѣтній свой юбилей, въ полномъ сознаніи культурно просвѣтительнаго значенія своего храма на благо православныхъ его прихожанъ и всей свободной Латвіи, гражданами которой они, по указанію Всевышняго (Дан. 4, 22), теперь состоятъ.

Протоіерей Павелъ Панфиловъ.

Протоіерей Даугавпилской Петро-Паеловской церкви Никонъ Заливскій, согласно его прошенію, освобожденъ отъ занимаемой имъ должности; завѣдываніе Даугавпилскимъ Петро-Павловскимъ приходомъ поручено священнику Даугавпилской Александро-Невской церкви Леониду Ладинскому, съ 1 марта сего года.

Redaktors-izdevējs, Virspriesteris **Nikolajs Perechvalskis.**
Редакторъ издатель, Протоіерей Николай Перехвальскій.